

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Леонид Андреев

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

I

Я познакомился с Л.Н. Андреевым в редакции московской газеты «Курьер» в 1899 году, где он печатал тогда свои рассказы и фельетоны. Мы встречались с ним довольно часто в течение двух лет, пока в конце 1901 года меня не арестовали и не отправили в Якутскую область. Каким далеким и непонятым кажется теперь тот мир, тот быт: не верится, что прошло всего лишь двадцать лет, а не два столетия! Какое полусонное царство было тогда вокруг нас!

Россия Николая II¹ жила еще тогда медлительною, тяжелою и грузною жизнью, шла куда-то — слепая — как будто руководимая тенью царя Александра III. Мы еще не предчувствовали тогда надвигавшейся на Россию японской опасности; мы жили, не страшась бурь и непогоды, жалуясь лишь на душное однообразие той опеки, которая тяготела над словом, над жизнью, над всем этим чеховским миром, таким тесным, малым и безвольным. Казалось, что все так прочно, так незыблемо, что разве наши внуки увидят Россию иною. И вот, когда я встречал Л.Н. Андреева в московских литературных кружках, я всегда чувствовал, что этот человек как будто пришел из другой страны. Не то, чтобы в своем быте, в своих убеждениях, взглядах и вкусах он был человеком, опередившим современников; напротив, он был очень характерен для известных кругов тогдашней литературной Москвы. Но было в нем что-то иное, чего определить вкусом или мнениями никак нельзя и что делало его одиноким и своеобразным, несмотря на то «общее выражение», которое ему было свойственно как москвичу, писателю, как сотруднику «Курьера» или журнала «Жизнь»², который издавался тогда в Петербурге при ближайшем участии Максима Горького.

В это время в Москве заявили уже о себе новые поэты, объединившиеся под знаком «Скорпиона». Эти люди, «зачинатели нового искусства», в известном смысле воистину были декадентами, то есть выразителями «конца века». Их творчество было как бы ознаменованием культурного перелома. Л.Н. Андреев к их кружку не принадлежал и не мог принадлежать. Он был для них «провинциален», недостаточно «рафинирован», и он не любил и не ценил этих людей, но в своей бессознательной и внешними данными не оправданной сущности он был «их поля ягода».

Жил тогда Л.Н. Андреев в Грузинах³. Быт вокруг него был старомосковский, среднеинтеллигентский. Мать Леонида Николаевича, гостеприимная и радушная хозяйка; покойная первая жена его, юная и милая, веселая и нежная; сестра и братья, обожавшие старшего брата, который был, кстати сказать, главою дома после смерти отца — все это было немного старомодно, немного провинциально. И вся семья с добродушным восхищением и ревнивою гордостью следила за возраставшею славою любимого Леонида. В доме Леонида Николаевича бывали почти все московские литераторы. Из начинающих писателей встречал я у Андреева Б.К. Зайцева⁴, чей первый рассказ «Волки», насколько я припоминаю, произвел на Андреева большое впечатление. Со многими литераторами Л.Н. Андреев был на «ты». С внешней стороны как будто жизнь его сложилась благополучно: много друзей, любящая